УДК 342.7 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-74-81

# ПРАВО НА САМОЗАЩИТУ КАК КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

***Еремейчук Михаил Владимирович*** аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (302028, Россия, г. Орел, ул. Бульвар Победы, 5а).
E-mail: sandex-orel@mail.ru

***Аннотация***

*В рамках настоящей статьи автором рассматривается конституционное право на самозащиту. Указанное право напрямую вытекает из смысла ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, хотя законодательной дефиниции права на самозащиту в Российской Федерации, как таковой, не существует, что порождает ряд проблемных вопросов как с теоретической, так и с практической точек зрения. Неясность в определении «права на самозащиту», проблемы в современной правоприменительной практике – все это обусловливает актуальность проведенного автором исследования. Результатом работы стало обобщение теоретических разработок по определению понятия конституционного права на самозащиту и предложение авторской дефиниции рассматриваемого права. Также были выделены основные проблемы в правоприменительной практике, касающиеся права на самозащиту, в том числе проблемы определения пределов самозащиты и отграничения ее от иных смежных институтов. Сделан вывод о необходимости дополнения российского законодательства положениями, расширяющими право человека на самозащиту. Тем не менее, анализ конкретных предложений по дополнению законодательства России все еще нуждается в отдельном исследовании.*

***Ключевые слова****: права человека, конституционные права, право на самозащиту, самозащита, формы самозащиты, реализация права, пределы самозащиты, самосуд, самоуправство, самооборона.*

Часть 2 статьи 45 Конституции Российской федерации, принятой на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., содержит в себе положение о том, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом»[1].

Смысл указанной нормы можно интерпретировать как право каждого человека самостоятельно выбирать способ защиты собственных прав, т.е. мы можем утверждать, что ч. 2 ст. 45 Конституции РФ прямо закрепляет право на самозащиту.

Заметим, что право на самозащиту является относительно новым для отечественного законодательства, тем более для Основного Закона государства. Кроме того, непосредственно свою привычную формулировку («самозащита»), соответствующее право получило после принятия Конституции РФ, а именно – 1994 г., когда была принята первая часть Гражданского кодекса РФ, ст. 12 которой прямо включает «самозащиту прав» в перечень способов защиты гражданских прав[2].

Несмотря на то, что Конституция РФ действует в нашей стране уже более 25 лет, четкого и единого определения института самозащиты (в конституционно-правовом смысле) в российской юридической науке так и не появилось. Тем не менее, в отрасле-

[1] Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993; по сост. на 21.07.2014) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. от 03.07.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5132.

вых науках повсеместно можно встретить дефиниции «самозащита гражданских прав», «необходимая оборона», «самооборона» [1, с. 151] и т.п., являющиеся, по своей сути, институтами, напрямую вытекающими из конституционного права человека на самозащиту. Именно поэтому определение права на самозащиту в его конституционно-правовом смысле является одним из важных вопросов современной юридической науки.

В качестве самостоятельного термин «самозащита» в науке конституционного права стал употребляться, примерно, в середине – конце 1990-х гг. Однако его значение до сих пор является довольно размытым. К примеру, в Комментарии к Конституции РФ под редакцией Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина смысл ч. 2 ст. 45 трактуется как предоставление человека возможности защищать свои права «неюрисдикционными формами защиты», к которым относятся «деятельность различных правозащитных организаций и движений, собрания граждан, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, *самозащита* и др.»[1]. О самозащите, как конституционном праве человека, его смысле, в тексте указанного Комментария ничего не говорится.

Позднее проблема определения «права на самозащиту» все же заинтересовала отечественных ученых-правоведов. К примеру, В. А. Усанова считала, что право человека на самозащиту можно рассматривать как в узком, так и в широком смыслах. Так, в узком смысле право на самозащиту представляет собой предпринятие человеком активных действий с целью пресечения нарушения его прав и устранение последствий такого нарушения. Заметим, что подобная трактовка «права на самозащиту» в целом совпадает по смыслу с определением самого института «самозащиты». В широком же смысле право на самозащиту представляет собой «совершение управомоченным лицом в целях защиты своего право или свободы от неправомерного посягательства» [2, с. 60].

Г. Н. Стоякин, в свою очередь, под «самозащитой» понимает «односторонние действия лица, применяемые правомочным на их совершение субъектом, и направленные на пресечение действий, нарушающих его права» [3, с. 115].

Похожим образом «самозащиту» определяет и В. П. Грибанов, указывая, что под ней следует понимать «совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов» [4, с. 107].

В представленных выше определениях мы можем увидеть, что учеными-юристами используются слова «правомочным», «управомоченным лицом». Очевидно, что под термином «управомоченный» имеется ввиду то лицо, чьи права были нарушены. Однако, говоря о праве на самозащиту как конституционном праве, нельзя забывать, что все права и свободы человека принадлежат *каждому от рождения* (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Поэтому использование термина «управомоченный» («правомочный») в определении права на самозащиту кажется нам неуместным.

Заметим, что схожего мнения, так или иначе, придерживаются и другие ученые. К примеру, Н. В. Драничникова отмечает, что «право граждан на самозащиту, ... характеризует гражданина в качестве субъекта права» [5, с. 119]. А. А. Газаева, посвятившая исследованию конституционного права на самозащиту не один научный труд, указывает, что: «Субъект права на самозащиту не должен обладать какими-либо специальными качествами. ... Достаточно того, что он человек...» [6, с. 59]. В общем смысле похожего мнения придерживается и А. Ю. Оробинский, считающий, что правом на самозащиту обладает «каждый человек, находящийся под юрисдикцией Российской Федерации» [7, с. 204].

Наиболее точное, по нашему мнению, определение «права на самозащиту» привел в свое время П. П. Глущенко, который указывал, что право на самозащиту – это «право самостоятельно, индивидуально или коллективно защищать свои права и свободы, права и интересы правомерными средствами, способами и методами, либо такими, которые

[1] Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/. Дата доступа: 09.07.2019 г.

не запрещены действующим международным и национальным законодательством» [4, с. 107].

Таким образом, мы можем подвести промежуточный итог, что *конституционное право на самозащиту – это право каждого человека, а также объединений людей защищать свои права и свободы любыми дозволенными законодательством Российской Федерации и международными правовыми актами способами и средствами*.

В то же время важно понимать, что конституционное право на самозащиту и соответствующее право, предоставляемое отраслями российского права, отличаются по своему значении, вследствие чего их ни в коем случае нельзя отождествлять (впрочем, как и противопоставлять друг другу).

Как указывает А. А. Газаева в своем диссертационном исследовании, право на самозащиту с точки зрения конституционного права обладает следующими характеристиками:

- многоваринтностью форм реализации;
- особой значимостью в процессе защиты прав и свобод личности;
- широким спектром защищаемых прав;
- субъектом права является любой человек;
- неотчуждаемым характером; и др. [8, с. 10].

С отраслевой точки зрения право на самозащиту, в свою очередь, характеризуется:

- возможностью совершения конкретных действий;
- соответствием форм реализации специфике отраслевых отношений;
- определенностью способов и средств самозащиты;
- формами самозащиты, используемыми для защиты конкретного блага;
- наличием специальных требований для субъекта самозащиты [8, с. 10 – 11].

Заметим, что на важность разграничения реализации права на самозащиту в конституционно-правовом и отраслевом смыслах указывает и Конституционный Суд РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 275-О Суд отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина РФ А. М. Шихова. Как следует из судебного определения, ранее А. М. Шихов воспользовался правом на самозащиту, предусмотренным ст. 379 Трудового кодекса РФ, разрешающим работнику, с письменного уведомления работодателя, отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также угрожающей жизни и здоровью работника. В то же время гражданин А.М. Шихов был уволен работодателем за прогул, а суд общей юрисдикции посчитал такое увольнение законным, в связи с чем было направлено обращение в Конституционный Суд РФ об оспаривании конституционности ст. 379 ТК РФ. Конституционный Суд, отказав заявителю, указал, что ст. 39 ТК РФ всего лишь устанавливает способ самозащиты трудовых прав, никак не противоречащий положениям Основного Закона[1]. Оценка же действий А. М. Шихова с позиции отнесения их к самозащите трудовых прав не входит в компетенцию Конституционного Суда РФ, поскольку данный вопрос продиктован отраслевыми нормами права и подлежит установлению судами общей юрисдикции.

Отдельно также заметим, что конституционное право на самозащиту включает в себя и право на обращение человека в судебные инстанции. Если в отраслевых правовых науках принято разделять судебную, административную защиту права и, непосредственно, самозащиту как самостоятельные действия, то в состав права на самозащиту с позиции конституционного права входят все вышеуказанные формы: судебная защита прав, административная защита (обращение с жалобой в государственные органы и к должностными лицам), а также совершение человеком самостоятельных действий.

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шихова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 379 Трудового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 275-О [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/. Дата доступа: 09.07.2019 г.

Также, говоря о «самостоятельных действиях», нельзя не упомянуть, что самозащита прав может быть реализована и в форме бездействия. Так, в самом тексте Конституции РФ содержится положении о праве человека не свидетельствовать против себя, своего супруга или близких родственников[1] (ч. 1 ст. 51).

Важный вопрос возникает, однако, в связи с использованием форм самозащиты. Так, как уже было отмечено, человеку разрешается защищать права всеми способами, не запрещенными законом. В данном случае встает справедливый вопрос о допустимых пределах реализации конституционного права на самозащиту.

Что же представляют собой данные «пределы реализации права на самозащиту». Не вдаваясь в глубокий анализ, согласимся с мнением К. И. Тимошенко, что под такими пределами следует понимать «установленные законом границы действия (бездействия) лица по использованию своих возможностей» [2, с. 60] (возможностей по самозащите – *прим. – М. Е.*).

Пределы реализации конституционного права на самозащиту определяются правовыми нормами, прежде всего, нормами Конституции РФ. В данном случае укажем, что основное правило содержится в ст. 17 Основного Закона РФ, предусматривающей, что осуществление человеком своих прав и свобод не должно нарушать прав и свобод иных лиц[2]. Также, поскольку право на самозащиту регламентируется отраслевым законодательством, пределам его осуществления посвящены ст. 1066 – 1067 ГК РФ[3], ст. 13 – 39 УК РФ[4], ст. 379 – 380 ТК РФ[5] и др.

Тем не менее, основная проблема, касающаяся пределов самозащиты, находится в рамках правоприменительной практики. Современное российское законодательство, хотя и содержит нормы о допустимых пределах реализации права на самозащиту, не включает в себя каких-либо правил, касающихся понимания сути и содержания самозащиты для правоприменителя.

Право человека на самозащиту своих прав, как правило, признается «априори», т.е. вопрос о недопустимости его реализации никогда не ставился. Однако сейчас мы можем наблюдать своеобразный «обвинительный» уклон в правоприменительной практике, при котором самооборона и иные формы самозащиты ставят использующего их человека на место самого преступника.

Заметим, что, как справедливо отмечает Э.Л. Сидоренко, легитимность права на самозащиту выражается в совокупности двух элементов: вынужденности такой защиты и ее социальной полезности [9, с. 168]. «Вынужденность» самозащиты означает, что у человека, к ней прибегшего, отсутствуют иные способы защиты прав в данной конкретной ситуации. «Социальная полезность» в свою очередь означает соответствие способов и мер самозащиты действующему правопорядку, обеспечивая его развитие.

Однако сегодня, даже в случаях наличия непосредственной угрозы жизни и здоровью человека, причинение им вреда нарушителю права толкуется следственными органами как нарушение закона [10, с. 287]. Более того, если при самозащите был установлен факт смерти правонарушителя, то лицо с большой долей вероятности отправится за решетку.

Суды в Российской Федерации в основном считаются с обвинительным заключением следственных органов. Невзирая на общий смысл ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, суды общей юрисдикции при принятии своих решений апеллируют к отраслевым нормам законодательства, закрепляющим те или иные допустимые способы самозащиты.

---

[1] Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993; по сост. на 21.07.2014) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Там же. Ст. 4398.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018, с изм. от 03.07.2019) // СЗ РФ. 1996. № 5. т. 410; 2018. № 31. Ст. 4814.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2019. № 25. Ст. 3166.

[5] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2019. № 14 (часть I). т. 1461.

К такому же выводу, к сожалению, пришел и Конституционный Суд РФ, который в Определении от 21.02.2008 № 112-О-О указал, что недопустимо применять средства самозащиты, прямо не предусмотренные нормами законодательства[1]. Таким образом, как указывает А.А. Газаева, свобода выбора способов реализации самозащиты в Российской Федерации, с точки зрения Конституционного Суда РФ, сводится лишь к возможности выбора законодательно установленных правовых средств, и не более [11, с. 22].

Отсюда напрямую вытекает проблема разграничения понятия «самозащита» и иных, смежных, категорий. К примеру, неправомерная реализация самозащиты часто трактуется как «самоуправство». Однако, что является «самоуправством»? Ст. 330 УК РФ говорит о том, что самоуправство – это «самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред»[2]. Ст. 19.1 КоАП РФ излагает суть самоуправства как самовольную реализацию действительных или предполагаемых прав без согласия потерпевшего и без обращения в судебные или иные уполномоченные органы, но без причинения существенного вреда[3].

Как верно отмечает Е. В. Витман в своем исследовании, посвященному конкретно данному вопросу, «самозащита, пределы которой превышены, представляет собой самоуправство» [12, с. 183]. Однако, сквозь указанные выше нормы закона мы не можем увидеть четких границ, при которых заканчивается самозащита и начинается самоуправство. Мы вновь приходим к вопросу об определении допустимых пределов реализации права на самозащиту, который, как мы уже выяснили, по факту разрешается правоприменителем.

Таким же образом можно говорить и о категории «самосуд». Как утверждает В. А. Винокуров: «Самосуд – это расправа, причем по своему собственному решению, основанному только на личном убеждении в собственной правоте» [13, с. 101]. Расправа, в свою очередь, трактуется российскими правоприменителями как преступление, за которое человеку грозит уголовная ответственность.

Заметим, что в настоящее время ярким примером данной проблемы о пределах самозащиты является «дело сестер Хачатурян»[4]. Как известно, летом 2018 г. три сестры убили своего отца, который неоднократно издевался над ними, в том числе с применением физического насилия. Сестрам предъявлено обвинение по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору)[5], в соответствии с чем им грозит от 8 до 20 лет тюремного заключения. В то же время, по факту издевательства отца над своими дочерьми, в отношении него следственными органами уже «посмертно» возбуждено уголовное дело. Как утверждает следствие, действие М. Хачатуряна (убитый отец девушек) подпадали под ст. 177 («Истязание»), ст. 132 («Насильственные действия сексуального характера») и ст. 133 («Понуждения к действиям сексуального характера») УК РФ[6].

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харитоновой Натальи Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 112-О-О [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/. Дата доступа: 09.07.2019 г.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2019. № 25. Ст. 3166.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.07.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2019. № 27. Ст. 3536.

[4] Дело сестер Хачатурян [Электронный ресурс] / Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/delo-sester-hachaturyan/. Дата доступа: 12.07.2019 г.

[5] Сестрам Хачатурян предъявили окончательно обвинение в убийстве отца [Электронный ресурс] / Известия. Режим доступа: https://iz.ru/889057/2019-06-14/sestram-khachaturian-prediavili-okonchatelnoe-obvinenie-v-ubiistve-ottca/. Дата доступа: 12.07.2019 г.

[6] Дело в отношении отца сестер Хачатурян выделено в отдельное производство [Электронный ресурс] / Известия. Режим доступа: https://iz.ru/898423/2019-07-11/protiv-ottca-sester-khachaturian-vozbudili-delo/. Дата доступа: 12.07.2019 г.

В данном случае, право на самозащиту, при первоначальном взгляде, очевидно было превышено. Однако, если учитывать все действия, совершенные отцом в отношении сестер Хачатурян, в том числе явно противоправные и аморальные действия сексуального характера, то встает вопрос, правильно ли будет осудить девушек на столь длительные сроки? В данной ситуации совершенно непонятно, была ли пресечена та грань, при которой самозащита прав стала квалифицироваться как убийство? Закон убежден, что «да», общество считает – «нет». Нарушив нормы отраслевого законодательства, девушки, тем не менее, защищали свои права, в том числе право на жизнь, здоровье и достоинство. Они были вынуждены пойти на такой поступок, поскольку у них отсутствовала возможность сообщить о нарушении их прав в компетентные органы. В итоге, сегодня мы имеем ситуацию, где закон и общественное мнение явно противостоят друг другу.

В современных реалиях, когда критерии разграничения пределов реализации права на самозащиту и совершения преступления являются размытыми, необходимо на законодательном уровне закрепить четкие правила, отграничивающие самозащиту от иных явлений. Пределы самозащиты должны быть максимально конкретизированы в современном российском законодательстве, чтобы избежать в дальнейшем появления дел, похожих на «дело Хачатурян». В частности, в первую очередь должны быть подвергнуты правкам нормы уголовного законодательства.

Наиболее приемлемым в данном случае выглядит предложение С. М. Мостового о введении в текст УК РФ правила, в соответствии с которым не будет считаться преступлением нанесение любого вреда посягающему лицу, в том числе причинения ему смерти, в случаях, когда посягательство совершается с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо существует явная угроза применения такого насилия [14, с. 396]. Отметим, что будь такое правило существующим раньше, «дело Хачатурян» не приобрело бы такого общественного резонанса и завершилось, скорее всего, в пользу обвиняемых девушек.

Еще одним предложением, встречаемым в юридической литературе, является имплементация в российское законодательства так называемой «Доктрины крепости», распространенной в странах англосаксонской правовой семьи [2, с. 62][1]. В соответствии с «Доктриной» гражданам предоставляется право атаковать любое вторгшееся в их место жительства лицо любыми способами и средствами, вплоть до причинения смерти. Однако, по нашему мнению, введение данного правила, в отличие от вышеуказанного расширения пределов самообороны, может привести к злоупотреблению правом, когда те или иные преступления будут «маскировать» под защиту собственного жилища.

Подводя общий итог, скажем, что, несмотря на то, что Конституция РФ дает каждому человеку право самостоятельно защищать свои права и свободы, надлежащая реализация данного в российском законодательстве фактически не получила своего правового регулирования. Сегодня мы находимся в такой ситуации, когда государство предоставляет гражданам возможность самим защищать свои права, но не указывает, как именно это нужно делать. Реализуя свое неотъемлемое право на самозащиту, человек может столкнуться с юридическими проблемами, которые в дальнейшем могут привести его к еще более негативным последствиям. Механизм реализации конституционного права на самозащиту должен быть усовершенствован, причем через внесение правок в отраслевое законодательство, в том числе путем заимствования зарубежного опыта. Конституционное право на самозащиту должно быть гарантировано, защищено и конкретизировано государством с той же степенью, как и все остальные конституционные права человека и гражданина в современной России.

[1] Пределы самообороны могут расширить [Электронный ресурс] / Гарант.ру. Режим доступа: http://www.garant.ru/news/569450/. Дата доступа: 09.07.2019 г.

**Литература**

1. *Казакова Е.Б*. Формирование института самозащиты в российском законодательстве // Право и государство: теория и практика, 2010. № 5 (65). С. 148 – 151.
2. *Тимошенко К.И.* Актуальные проблемы реализации конституционного права на самозащиту // Философия права. № 3 (70). С. 59 – 62.
3. *Макин Н.А*. Понятие мер защиты в науке и законодательстве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки, 2010. № 3. С. 114 – 117.
4. *Белянская О.В.* Реализация права личности на самозащиту: теоретико-правовой аспект // Вестник Тамбовского университета: Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2 (42). С. 106 – 109.
5. *Драничникова Н.В.* О правовой природе и содержании права граждан на самозащиту в Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности, 2011. № 1. С. 117 – 120.
6. *Газаева А.А*. Конституционное право на самозащиту – свобода выбора человека // Выбор власти & Власть выбора. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (с международным участием) (Иваново, 25 – 26 мая 2018 г.). 2018. С. 58 – 63.
7. *Оробинский А.Ю.* Право на самозащиту в системе конституционных прав и свобод человека в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал, 2008. № 3. С. 201 – 211.
8. *Газаева А.А*. Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Газаева Анна Ахматовна. М., 2018. 27 с.
9. *Сидоренко Э.Л*. Право личности на самозащиту и его логико-структурный анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С. 166 – 175.
10. *Евтушенко И.И., Шершнев Е.О.* Право гражданина на самозащиту: теория и практика // Развитие государственности и права в Республике Крым (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 5 февраля 2016 г.). 2016. С. 284 – 288.
11. *Газаева А.А.* Право на самозащиту в интерпретации Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право, 2018. № 4. С. 21 – 24.
12. *Витман Е.В.* Разграничение самоуправства и самозащиты права // Юридические науки, 2006. № 2. С. 178 – 184.
13. *Винокуров В.А*. Самосуд как крайняя степень самозащиты // Юридическая мысль, 2017. № 1 (99). С. 100 – 105.
14. *Мостовой С.М.* О применении ответственности за причинение вреда в состоянии необходимой обороны // Теория и практика общественного развития, 2010. № 2. С. 391 – 398.

---

**Eremeychuk Mihail Vladimirivich,** postgraduate student of the department of constitutional and municipal law, Middle Russian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (5a, Victories Boulevard, Orel, 302028, Russian Federation).
E-mail: sandex-orel@mail.ru

**THE RIGHT TO SELF-DEFENSE AS A CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

**Abstract**

*In this article the author considers the constitutional right to self-defense. This right is directly derived from the meaning of P. 2 of Art. 45 of the Constitution of the Russian Federation, although there is no legislative definition of the right to self-defense in the Russian Federation, which raises*

*a number of problematic issues, both from a theoretical point of view and from a practical one. The vagueness in the definition of the «right to self-defense», the problems in modern law enforcement practice - all this determines the relevance of the research conducted by the author. The result of the work was a synthesis of theoretical developments on the definition of the concept of constitutional right to self-defense and the proposal of the author's definition of the law in question. The main problems in law enforcement practice relating to the right to self-defense were also highlighted, including the problems of determining the limits of self-defense and delimiting it from other related institutions. The conclusion is made about the need to supplement Russian legislation with provisions extending the human right to self-defense. However, the analysis of specific proposals for the addition of Russian legislation still needs a separate reserach.*

**Key words***: human rights, constitutional rights, the right to self-defense, self-defense, forms of self-defense, realization of the right, limits of self-defense, lynch law, arbitrariness, local defense.*

**References**

1. Kazakova E.B. Formirovanie instituta samozashchity v rossijskom zakonodatel'stve // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 2010. № 5 (65). S. 148 – 151.
2. Timoshenko K.I. Aktual'nye problemy realizacii konstitucionnogo prava na samozashchitu // Filosofiya prava. № 3 (70). S. 59 – 62.
3. Makin N.A. Ponyatie mer zashchity v nauke i zakonodatel'stve // Vektor nauki To-l'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: YUridicheskie nauki, 2010. № 3. S. 114 – 117.
4. Belyanskaya O.V. Realizaciya prava lichnosti na samozashchitu: teoretiko-pravovoj aspekt // Vestnik Tambovskogo universiteta: Seriya: Gumanitarnye nauki. 2006. № 2 (42). S. 106 – 109.
5. Dranichnikova N.V. O pravovoj prirode i soderzhanii prava grazhdan na samozashchitu v Rossijskoj Federacii // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti, 2011. № 1. S. 117 – 120.
6. Gazaeva A.A. Konstitucionnoe pravo na samozashchitu – svoboda vybora cheloveka // Vybor vlasti & Vlast' vybora. Sbornik dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh (s mezhdunarodnym uchastiem) (Ivanovo, 25 – 26 maya 2018 g.). 2018. S. 58 – 63.
7. Orobinskij A.YU. Pravo na samozashchitu v sisteme konstitucionnyh prav i svobod cheloveka v Rossijskoj Federacii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal, 2008. № 3. S. 201 – 211.
8. Gazaeva A.A. Konstitucionnoe pravo na samozashchitu v Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02 / Gazaeva Anna Ahmatovna. M., 2018. 27 s.
9. Sidorenko E.L. Pravo lichnosti na samozashchitu i ego logiko-strukturnyj analiz // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'torologiya. 2011. № 1. S. 166 – 175.
10. Evtushenko I.I., SHershnev E.O. Pravo grazhdanina na samozashchitu: teoriya i praktika // Razvitie gosudarstvennosti i prava v Respublike Krym (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 5 fevralya 2016 g.). 2016. S. 284 – 288.
11. Gazaeva A.A. Pravo na samozashchitu v interpretacii Evropejskogo suda po pravam cheloveka i Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 2018. № 4. S. 21 – 24.
12. Vitman E.V. Razgranichenie samoupravstva i samozashchity prava // YUridicheskie nauki, 2006. № 2. S. 178 – 184.
13. Vinokurov V.A. Samosud kak krajnyaya stepen' samozashchity // YUridicheskaya mysl', 2017. № 1 (99). S. 100 – 105.
14. Mostovoj S.M. O primenenii otvetstvennosti za prichinenie vreda v sostoyanii neobhodimoj oborony // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2010. № 2. S. 391 – 398.